

АНТОН СЕМЕНОВ

ФИЗИК

АНТОН Семёнов

ФИЗИК

«Автор»

2026

Семёнов А. П.

Физик / А. П. Семёнов — «Автор», 2026

Олег, 30-летний бывший учитель физики, ныне уставший курьер с душой лидера и любовью к славянскому фэнтези, после аварии попадает в магический мир, вдохновленный славянской мифологией. Одинокий и уязвимый, он использует знания физики, харизму и упрямство, чтобы найти свое место, превращая мечты в реальность и сталкиваясь с моральными дилеммами.

Содержание

Физик	Глава 1. Серая рутина	5
	Глава 2. Поворот судьбы	8
	Глава 3. Пробуждение в иной реальности	15
	Глава 4. Я — не дух	20
	Глава 5. Трудности волшебства	25
	Глава 6. Под сенью древнего леса	34
	Конец ознакомительного фрагмента.	35

АНТОН СЕМЁНОВ

ФИЗИК

ФизикГлава 1. Серая рутина

Мелкий дождь не шёл — он просачивался. Как будто воздух сам стал сыростью. Каждая капля, попадая на лицо, впитывалась без следа, будто городпил свою тоску вместе с людьми.

Олег ехал, склонившись над рулём. Велосипед под ним поскрипывал, шины хлюпали по лужам, издавая характерный звук: *блюмк-шлёп*. Его перчатки промокли насквозь, и пальцы стали деревянными. Он вытер нос в мокрый рукав и не особо расстроился — всё равно ничего не ощущал, кроме холода.

Маршрут был до боли знаком. Он знал, где будет пахнуть рыбой от круглосуточного ларька, где продавщица всегда курила за углом. Знал, где в лужах прячутся ямы, от которых отскакивает колесо. Всё вокруг было до зубовного скрежета обыденно — и именно это убивало.

На светофоре он остановился рядом с автобусом. Из окна на него смотрела девочка лет шести, в яркой куртке, прижав нос к стеклу. Она внимательно следила за ним. Олег повернулся к ней и скорчил рожицу, как когда-то своим ученикам. Девочка улыбнулась — широко, по настоящему. А потом автобус уехал, и он остался снова один.

Вот бы просто взять и уехать. Куда угодно. Хоть в Хель, хоть в Сказку. Хоть к чертям, но не сюда, — подумал он. Но знал: ни один автобус туда не идёт.

Он взглянул на часы: 19:44. Заказ уже задерживался на шесть минут. Клиент, судя по приложению, был «особо чувствительный» — что-то в этом мире всё же имело приоритет. Он втянул голову в плечи и снова надавил на педали.

Бизнес-центр выглядел как все прочие: стеклянный, холодный, и будто сам себя осуждающий. Олег подкрутил тормоза, взобрался по пандусу — колёса скользнули, но он удержался. Стеклянные двери открылись с шипением. Внутри было тепло, пахло кофе, кондиционером и полиролью.

Консьержка в голубом жилете подняла на него глаза и тут же опустила. Без слов. Как будто он был частью интерьера — мокрый элемент городской мебели.

В лифте он смотрел на своё отражение. Мокрая куртка с отслаивающимся логотипом доставки, каска на голове, капли на щеках, будто слёзы. Глаза потухшие. Рот напряжённый. *Кто ты такой?* — подумал он. — *И когда ты таким стал?*

На экране высветилось: **Этаж 3**. Двери открылись.

Клиент — молодой человек с модной бородкой и гарнитурой в ухе — встретил его без взгляда.

— Курьер? Ставь на стол, потише, у меня совещание.

Олег молча поставил пакет на стеклянную поверхность, откуда тут же донёсся запах соуса терияки. Мягкий, липкий, вызывающий тошноту.

Уходя, он невольно задержал взгляд на одной из картин в офисе — сюрреалистичный лес, словно из сна. И в этот момент...

... всё растворилось.

Школьный кабинет. Мел скрипит по доске.

— Итак, ребята. Задача: если поезд идёт со скоростью 60 километров в час, а навстречу ему... — он размахивает руками, изображая второй поезд, — ...то кто быстрее доедет до станции «Понимание»?

Хохот.

Олег поворачивается к парте — Данька хмурится, карандаш грызёт.

— Даня, ну-ка, ты как думаешь?

— Они столкнутся, — бурчит тот. — Как всегда.

— Почему?

— Потому что никто не уступит.

Олег улыбается.

— Мудро. Но помни — физика не про конфликты, а про закономерности. Понимание — это не станция. Это путь.

Дети записывают. Он подходит, смотрит в тетрадь — на полях рисунок: воин с копьём, на фоне молний.

— Это кто?

— Это ты, Олег Михайлович. Только в доспехах. И с бородой, как у викингов.

Он смеётся.

— Ну, может быть, когда-нибудь...

...двери лифта закрылись. Он снова был здесь. Курьер. Без копья. Без бороды. Без понимания.

Он вышел на улицу, вцепился в руль и выругался — негромко, по привычке. На асфальте образовалась новая лужа. В ней отражалось небо. Серое.

Он стоял у кофейного автомата возле метро, обхватив руками горячий пластиковый стакан. Пар поднимался к лицу, обволакивая нос и щеки. Ничто так не напоминало о человеческом, как дешёвый кофе за тридцать рублей. И в этот момент из-за угла появился Коля.

— Ну здорова, Фарадей! — сказал тот, хлопнув Олега по плечу. — Опять по дождю гоняешься за просроченной курицей?

Олег фыркнул.

— Сам-то с чем? Воняешь, как китайская резина с чесноком.

— Да у меня лапша в трех коробках, понял? И одна из них — с двойной остротой. Если клиент умрёт — я ни при чём, у меня подпись будет.

Олег не смог не усмехнуться.

Коля был младше его лет на пять, но вел себя как ветеран. Его красная куртка была исписана чёрным маркером: "Тёмный всадник", "Я — ваша еда", "Смерть диетам".

— Слышь, а помнишь, ты же у нас был учителем, да? — продолжил Коля, отпивая кофе. — Прямо как в кино. Типа "О, как я пал..."

— Спасибо, напомнил, — буркнул Олег.

— Да не, я серьёзно. Учил ты там... физику, да? Про магниты, законы, эту фигню. Может, расскажешь, почему у меня рюкзак всегда в одну сторону тянет? Это что, эффект притяжения лапши?

— Это эффект криворукости, — ответил Олег.

Они оба рассмеялись. И в этой паузе, среди мокрого города, шумящих шин и чужих лиц, возникло странное чувство — будто он всё ещё *человек*. Всё ещё *живой*.

— Ладно, погнал я, — сказал Коля, отступая. — Заказ ждёт, голодный клиент — хуже тролля. Удачи тебе, профессор.

— Взаимно, Всадник.

Коля исчез за углом, а Олег остался стоять с пустым стаканом и лёгкой улыбкой. Но улыбка быстро сошла на нет. Телефон снова пикнул: **новый заказ**. Название клиента — "Корпорация Прана". Время — срочно. Расстояние — через мост и развязку.

Он вздохнул. И снова в седло.

Олег выехал на мост. Металл под колёсами отдавал в руль дрожью — не вибрацией, а напряжением. Как будто сама дорога чего-то ждала. Ветер стал рваным, короткими толчками в лицо, будто кто-то невидимый шептал в ухо с раздражением: *не туда, не туда, не туда...*

Фонари горели тускло, как свечи в церкви после полуночи. Машины ехали с натужным воем. Мир словно утратил громкость. Всё стало тише, плотнее, ближе к телу.

На стекле очков — капли. За ними — город. Чужой, как фото забытого прошлого. И тут он услышал **этно**снова.

— *Пришёл*ль...

Шёпот не был звуком. Он был **внутри**. Не как мысль, а как **ощущение**: лёгкий жар в груди, холод в затылке, мурашки по позвоночнику. Он выпрямился, оглянулся — мост пуст. Лишь одинокая машина на горизонте. В ушах застучала кровь. Мир слегка дрогнул, будто моргнул.

Что это?

Светофор впереди мигнул. Один раз. Второй. Красный. Зелёный. Красный. Сбились.

Навигатор запищал, будто сошёл с ума. Он глянул вниз — экран исказился. Линии маршрута превратились в кривые, цифры прыгали, как насекомые.

Он остановился. Сердце стучало слишком громко. Он сжал руль, пытаясь дышать ровно.

— **Всё**. Просто перегруз. Кофеин. Недосып. Шизанул, — выдохнул он. И в этот момент — **тишина**.

Полная. Неестественная. Даже дождь замер.

И тут — **удар**.

Звук мотора. Свет фар. Он обернулся — **слишком поздно**.

Машина вылетела из темноты, как зверь. Мгновение — и она **в него**.

Он не летел. Он **висел**. Время рассыпалось, как стекло. Всё замедлилось.

В лицо — свет. В глаза — капли. В теле — пустота. Он видел свои руки, вытянутые вперёд. Педали ушли из-под ног. Мелькание света, асфальта, мокрого металла. Потом — ощущение падения. Не вниз, а **вовнутрь**.

Он успел подумать только: *Пусть хоть это будет не впустую. Пусть хоть там... будет что-то настоящее.*

Он очнулся оттого, что **небо было зелёным**.

Свет пробивался сквозь листву, и она казалась светящейся. Над ним — кроны. Большие. Древние. Воздух пах сосной, влажной землёй, корой. Где-то звенел колокольчик — один, медленно, как пульс.

Он сел, тяжело дыша. Куртка — порвана. Рюкзак — исчез. Кроссовки — одна осталась. Он был... жив? Или это и есть смерть?

Рядом — резной столб, обвитый мхом. На нём — символ. Молния и рог. Перун. *Как в книгах. Как в былинах. Как в детстве...*

Он закрыл глаза, в груди загудело от ужаса и восторга. Где он? Что это?

И вдруг — голос. Скрипучий, будто ветка:

— *Пришёл*ль... проснулся, значит...

Он обернулся.

Старуха. Клюка. Косынка. Смотрит на него, как на крысёнка. В глазах — не страх, а любопытство.

— Кто ты? — прошептал Олег.

— А ты сам скажи... кто теперь?

И вдруг он понял, что всё — изменилось.

Глава 2. Поворот судьбы

Он очнулся от холода. Не такого, как в городе — не сырого, унылого, бетонного. Этот холод был живым. Чистым. Он пах мхом, корой и чем-то ещё — как будто трава здесь росла дольше, чем шли войны.

Олег лежал на подстилке из жухлой листвы. Где-то капала вода. Где-то вдали раздавался **звон колокольчика** — редкий, как пульс великана. Ветер, настоящий, не из кондиционера, обдувал лицо, щекотал шею. Он попытался встать и понял — тело цело, но будто выжато. Куртка порвана, кроссовки — одна. Штаны в грязи, ладони сбиты.

Он встал. Медленно. Каждый сустав отзывался глухим протестом. Сердце билось чаще, чем должно. В глазах рябило, но перед ним — **лес**.

Не городской парк, не прибрежная зона. Лес. Древний. Высокие деревья, между которыми не проходил свет. Кроны шептали что-то друг другу. Внизу — корни, словно змеи. Где-то — ручей. Где-то — жёлтые глаза.

— Я умер? — спросил он вслух.

Ответа не было. Только лес и звон.

Он шагнул вперёд. Ощущение было странное — как во сне. Земля мягкая, каждый шаг как по пружинам. Воздух звенел. Он шёл на звук.

Вскоре перед ним открылся **резной алтарь**. Два столба — один с молнией, другой с рогом и звериным лицом. Перун и Велес. Он узнал. Он читал. Он видел такие в книгах. Сказки, былины, фэнтези. Но это — не рисунок. Это — **вещь**. Настоящая. Камень под ногами был тёплым. Воздух звенел сильнее.

Он протянул руку к одному из столбов. Кожей почувствовал: энергия. Сила. **Нечто**. И тут — хруст позади.

Он обернулся.

Из-за дерева вышла **старуха**. Сгорбленная, с клюкой, в длинной серой одежде. Лицо морщинистое, будто береста. Глаза — живые. Смотрит прямо на него.

— Пришлый, — сказала она. — Вон оно как.

— Что... где я?

— Там, где надо. Там, куда зовут. Не все приходят, не все остаются. Но ты — уже тут.

— Это... это сон?

Старуха усмехнулась. Показала редкие зубы.

— А может, ты сам кому-то снишься?

Он сел на камень. Сердце стучало, мир плыл. Но впервые за долгое время он **не чувствовал себя потерянным**. Скорее... найденным.

— Кто ты?

— Марфа, — сказала она. — Кто всё помнит, кто встречает. Иногда провожает. Ты выходит, Олег?

— Да... я...

— Да-да. Физик. Курьер. Грустный, но не потерянный. Блуждающий, но живой. Ты пришёл — значит, мир изменится. Или ты. Посмотрим.

И старуха направилась вглубь леса.

— Эй! — крикнул он. — А мне что делать?

— Идти, — бросила она. — Спроси у деревьев. Они знают дорогу.

Олег колебался. Но затем — пошёл.

Олег шагал за Марфой, но каждый её шаг казался частью чего-то большего — ритуала, танца, следа времени. Лес вокруг был не просто фоном. Он **наблюдал**.

Ветки, как скрюченные пальцы, тянулись вниз, не касаясь его, но намекая: *мы знаем, кто ты*. Листья не шелестели — они **нашёптывали**. В одном месте дерево было разорвано молнией, но не сторело. Его кора почернела, а в расселине светился мох. Из другого ствола рос гриб, как ухо. Всё здесь было живым, **слишком живым**.

Камни — с символами. Не современными, не просто славянскими. Древнее. Старше рун, старше алфавита. Каждый шаг отзывался в земле, как будто он наступал не на грунт, а на спину чего-то большого.

Идолы. Один — с двумя лицами. Второй — с клыками, как у медведя. На ветвях — пучки сухих трав, связанные волосами. На одном дереве — след когтей, но высота... слишком высокая даже для медведя. Слишком длинные полосы.

— Это... всё настоящее? — выдохнул Олег, стараясь не оступиться на корнях.

— А ты разве думал, что вы в своём мире настоящее видели? — спросила Марфа, не оборачиваясь. — У вас всё — иллюзия. Стекло, металл, шум. Здесь — не больше, но **глубже**.

— Но это... магия?

— Нет, — сказала она. — Это *память*. Земли. Воды. Ветра. Люди забыли, но корни — нет. Мир — не ваш. Вы — его гости. Некоторые — случайные, а некоторые... званые.

Олег замер.

— Званые?

— Ты слышал зов, верно? Перед тем, как...

— ...как в меня врезалась машина, — договорил он. — Да.

— Не все слышат. А те, кто слышит, могут пройти. Но пройти — не значит остаться.

Они остановились у развилки. Марфа коснулась одной из еловых ветвей, шепнула что-то, и та — отогнулась в сторону, открывая тропу, которой раньше не было.

— Что ты сейчас сделала?

— Попросила, — спокойно ответила она. — Деревья слышат. Если ты не рубишь их, а говоришь — они отвечают. Даже людям.

Олег долго смотрел на неё.

— Вы... вы ведь не обычная старуха, да?

— А ты — не обычный курьер. В этом наша первая правда.

Она улыбнулась. Без насмешки. Как бабушка, увидевшая, как внук сделал первый шаг.

— А кто вы?

— Я — та, кто помнит. А ты — тот, кто забыл. Вот мы и встретились.

— Почему я?

— Потому что ты верил. Пока другие забывали — ты читал. Мечтал. Хотел попасть в сказку, не ради власти, а ради смысла. А сказка, знай, *помнит таких*.

Олег стоял в тени дерева, потрясённый. Впервые за долгое время он не чувствовал, что теряет себя. Он чувствовал, как **вспоминает**.

Марфа коснулась его руки.

— Боишься?

— Да. Безумно.

— И правильно. Кто не боится — тот не нужен. Смелые ломают. А **испуганный, но идущий** — такой меняет.

И они пошли дальше. Лес за их спинами закрылся.

Тропа вывела их к деревне.

Она не казалась большой — не больше дюжины хат. соломенные крыши, деревянные стены, увитые мхом заборы. Всё как в иллюстрациях к сказкам, только без глянца и чистоты. Земля — топкая, мокрая, но живая. У ворот — резной шест с тряпками и костями — оберег.

Марфа не стала стучать — просто прошла, и ворота **сами приоткрылись**, будто давно знали её шаг.

— Мы пришли в деревню? — спросил Олег, пятясь от курицы, что взлетела с возгласом и клюнула его в ногу.

— В Селище. Старое. Упрямое. Люди тут — как земля: тёплая, но медленная.

Первые взгляды были из-за штор. Потом — из-за заборов. Один ребёнок выбежал на улицу, но тут же был втащен обратно. Женщина, несшая коромысло, оступилась, глядя на Олега, и пролила воду.

Марфа кивнула в сторону одной из хат.

— Сидят, думают, кто ты. Леший? Упырь? Или просто дурной знак.

— Дурной знак — это я с утра в зеркало, — буркнул Олег, чувствуя, как пот выступает на висках.

Вдруг из дома вышел **мужчина** — широкоплечий, с плетёной бородой и топором за поясом. Он подошёл, не торопясь, глядя на Олега с прищуром.

— Он с тобой? — спросил у Марфы.

— Со мной, — кивнула она.

— Он живой?

— Живее многих.

— А не леший ли?

Олег поднял руки.

— Я не леший. Я — человек. Я... ну... издалека.

— Из какого роду?

— Э... рода Гринписова, — промямлил он. — Курьерова. По линии физиков.

— Он говорит как лукавый, — прошептала старуха за спиной. — Слова как змеи шипят.

А одёжа-то у него... чужая.

Марфа повернулась к толпе.

— Он — не наш. Но и не враг. Я его веду. А значит — он под моей защитой.

— Он не дух? — спросил мальчик, выглядывая из-за юбки матери.

— Если я дух, — вздохнул Олег, — то самый неуклюжий в истории. У духов, насколько я знаю, не болят колени и не сбиты локти.

Несколько человек хмыкнули.

— Покажи-ка ему хлев, да баню, — сказала Марфа. — А не вздумает кто его трогать — с тем я потом поговорю по-своему.

Она посмотрела на Олега.

— Ты пока помолчи. Пусть привыкают к виду. К голосу. А то, чего не знают — боятся.

— Я и сам боюсь.

— И правильно. У страха — два брата: осторожность и понимание.

Хлев оказался действительно хлевом. Запах был такой, будто каждая коза здесь хранила вековую обиду на человечество. Но баня... баня была почти святыней. Низкая, тёмная, с перекошенной дверью, но внутри — жарко, сухо, и пахло то ли мятой, то ли чем-то ещё, что можно было назвать "лесной тишиной".

— Вот и твой чертог, — усмехнулся деревенский мужик, ставя на скамью свёрток с сухой рубахой и парой лаптей. — Не жалуйся. Лучше, чем на болоте.

Олег кивнул.

— Спасибо.

— О, гляди, говорить начал, — удивился мужик и вышел, не дожидаясь ответа.

Он остался один.

Печка потрескивала, капли с потолка падали в жестяное корыто, издавая ритм. Он снял рваную одежду, выжал из неё воду, натёр плечи куском мыла, которое пахло дегтем и едва уловимым мёдом.

Он сел, обняв колени, и уставился в камни.

Где я? Почему? И... что теперь?

Разум метался. Логика пыталась найти опорные точки — правила, физику, знакомое. Но ничего не подходило.

Он вспомнил Марфу.

"Шёпот — это память мира".

"Ты верил — значит, тебя позвали."

Он выдохнул.

— Ладно... мир. Если ты живой — дай знак.

Он поднял ладонь к огню. Просто так. И вдруг — **дымиз** печи повёлся, как змея. На секунду — не более. Он потянулся в сторону его руки, потом рассыпался, будто засмеялся.

Олег отдёрнул ладонь.

— Нет, ты видел это, да? Это не... ветер. Это не просто так.

Он снова вытянул руку. Сконцентрировался. Вспомнил, как объяснял детям:

— Электричество... идёт туда, где меньше сопротивление... поток всегда ищет путь.

Энергия... находит дорогу.

В ушах звенело. Глаза щипало. И вдруг — **искра**. Маленькая. Между пальцами. Мгновение. Но была.

Он вскочил.

— Охренеть.

Потом замер.

— Тихо. Спокойно. Не разнеси баню, чародей ты хренов.

Он снова сел, закрыв лицо руками. И долго сидел, слушая, как щёлкают угли.

Позднее он переложил на колени тот свёрток с одеждой. Раскатал. Рубаха из грубого холста, лапти — кривоватые, но тёплые. На ткани были вышиты символы. Простые, как рисунки на школьной доске. Он провёл пальцем по стежкам, будто читал.

И вдруг — **услышал**.

Тонкий шёпот.

"Земля... ветер... друг... искра..."

Он не понял слов, но **почувствовал их**.

Язык, казалось, был не только в словах — он был **в ощущениях**. В символах. В самом **внимании** миру.

Он лёг, укутавшись рубахой, как одеялом, и закрыл глаза.

Снаружи баня потрескивала, в печи гудело, а в голове звучала фраза Марфы:

"Кто боится — слушает. Кто слушает — слышит. Кто слышит — изменяет."

На следующий день Марфа отвела его к мельнице.

— Сломалась, — сказала она. — А мука — это жизнь.

— А мне-то что?

— Ты же у нас... как там? Учёный?

— Я преподавал физику, — пожал он плечами.

— А мельница — это что?

Он осмотрел конструкцию. Камень, ось, лопасти. Всё выглядело просто — и одновременно ужасающе ненадёжно. Вода была, ток реки шёл стабильно, но ось не крутилась. Лопасти подгнили, передаточный механизм — заедал.

— Нужно заменить перекладину, подшипник смазать, а эти штуки — лопасти — укрепить. И... — он прищурился. — Лучше чуть изменить угол. Тогда поток будет давать больше тяги.

— Говорит, как заклинания бормочет, — проворчал один из старейшин.

— Или как шаман, — добавила женщина с корзиной.

Но Марфа молча кивнула.

— Делай.

Олег взялся за дело. Сначала — расчистка. Потом — импровизированный чертёж на глине. Потом — топор, верёвки, палки. Местные сначала косились, но вскоре несколько мужиков начали помогать — не из доверия, а из **любопытства**.

Он объяснял, жестикулируя:

— Вот здесь вода толкает. Сила. Она идёт вниз. Мы ставим угол — и получаем вращение. Потом шестерня — и уже крутится всё. Понимаете? Нет? Ничего. Смотрите.

Они смотрели.

Когда колесо, наконец, закрутилось, впервые за, видимо, недели — по деревне прошёл **вздых**.

— Поехало! — крикнул мальчик.

— Да ладно... — удивлённо протянул старик. — А ведь... работает.

Но радость длилась недолго. Один из старейшин нахмурился.

— Это всё... не по-нашему. Чужие штучки.

— Работает же, — возразил кто-то из мужиков. — Сколько мы сами мучились?

— А вдруг за это... возьмут?

— Кто? Перун?

— А ты знаешь?

Олег понял — сейчас всё решится. Он вытер лоб, поднялся на бревно, которое служило порогом.

— Я не бог. Не враг. И не мудрец. Я просто... знаю кое-что. Если хотите — научу. Если не хотите — уйду. Но пока я здесь — я ваш. Если вы этого хотите.

Повисла тишина. Затем — смешок. Потом — кто-то хлопнул в ладоши.

— Пусть будет. Он нам мельницу починил. Значит, свой.

Марфа лишь кивнула. Её глаза сверкнули тихим одобрением.

И Олег впервые за долгое время почувствовал себя **нужным**.

Сначала исчезли ложки. Потом — лапти. Потом — крынка с молоком. Причём прямо у двери. А потом — кто-то ночью уронил кадку с капустой и сбежал, оставив крохотные следы... босых ног.

Олега разбудил шум. Кто-то стучал в окно бани. Он выглянул — у крыльца стояли двое деревенских. Мужчина с заплечной повязкой и женщина, держащая метлу, как меч.

— Он их разбудил, — шептала она. — Духи недовольны.

— Кто?

— Домовые. Или полешки. Они не любят, когда кто-то чужой... и особенно когда он делает что-то новое.

— Я просто починил мельницу, — сказал Олег, кутаясь в рубаху.

— Вот именно, — отрезала женщина. — Они думают, что ты их место занял. Лидер, мол, новоявленный.

— Я? Лидер?

— А кто ещё?

Ночью всё повторилось. Скрип. Шорох. Кто-то перебирался по полкам, дёргал за нитки, переворачивал чаши. Олег не спал. Он поставил на стол чашку с кашей, рядом — кусок угля, и сел у очага.

— Ладно, слушайте, — сказал он вслух. — Я знаю, вы здесь. И вы — не враги. Вы — старые, древние, как этот лес. Я не хочу забирать. Я хочу... понимать.

Пауза. Тишина. Потом — шорох. Кто-то прошмыгнул в тени. Искра у огня.

— Вы считаете, что я чужой. Верно. Но я пришёл не рушить. Я пришёл учиться. Делить. Говорить.

Огонь вспыхнул. Он вспомнил, как рассказывал детям о теплоёмкости, о равновесии. Он поднял щепку и поднёс к пламени — медленно, спокойно.

— Видите? Жар — это не зло. Это просто обмен. Давать — значит получать.

Сверху — скрипнула балка. Потом — звон. Ложка, украденная накануне, упала у ног.

— Спасибо, — сказал он, не улыбаясь.

Больше его не тревожили.

Наутро у порога он нашёл странный дар: гладкий камень с трещиной в форме молнии и пучок сушёного зверобоя. Это был **знак**. Мир начал отвечать.

Они шли с Марфой в тишине. Лес был иным — не как в первый день. Густой, плотный, будто тёплое покрывало, с запахом смолы и старого камня. Солнце едва пробивалось сквозь кроны. Птицы замолкали, когда они проходили.

— Чувствуешь? — спросила Марфа.

— Что?

— Мир слушает. Перед тем, как говорит — он всегда слушает.

Они вышли к поляне, окружённой кольцом камней. В центре — **капище**. Алтарь, сложенный из тяжёлых плит, покрытых резьбой. Символы молнии, дуба, глаза в круге. Ветви деревьев, словно специально, отступали от этого места.

Здесь не было ветра. Но воздух дрожал.

Олег подошёл ближе. Камни были тёплыми, как будто внутри них пульсировала жизнь.

— Это... Перун?

— Здесь, — кивнула Марфа. — Или его след. Сила, что остаётся, когда бог не говорит, но **смотрит**.

Он провёл рукой по камню. Под пальцами — трещины, мох, вкрапления металла.

— И что я тут должен сделать?

— Услышать.

Он закрыл глаза. В голове — шорох, как будто тысячи голосов шептали сразу. Они не звали по имени. Но... **признавали**. Он почувствовал, как волосы на руках встали дыбом. Где-то внутри груди — щелчок. Как если бы кто-то ударил в камертон.

Марфа заговорила:

— Есть сказание. Древнее, забытое. О том, что в дни, когда грани станут тонки, и память покинет сердца, придёт **пришлый с искрой**. Не бог. Не герой. Но тот, кто **вспомнит законы**, когда остальные забудут.

Олег открыл глаза. Он весь дрожал.

— Это про меня?

— А кто ещё вызвал молнию, не зная слова? Кто починил то, что считали потерянным? Кто говорит, когда боится?

Он опустился на колени.

— Я... не знаю, кто я. Но если надо идти — я пойду.

Марфа подошла ближе. Вытянула руку. На ладони — **амулет**: круглый, вырезанный из дуба, с символом, похожим на соединение спирали и молнии.

— Он не защитит от всего. Но напомним. Кто ты. И зачем ты здесь.

Она накинула на него **плащ**. Грубый, но крепкий. С запахом дыма и трав.

— Иди к капищу. Поговори. Даже если тебе не ответят — они услышат.

Он подошёл. Встал перед алтарём. И прошептал:

— Я — Олег. Я — учитель. Курьер. Глупец. Пришлый. Но я не хочу быть врагом. Я хочу понять.

И вдруг — воздух дрогнул.

Из алтаря поднялся **ветер**, но не из леса. Он вышел **изнутри**. Ударил в лицо. Пронёсся. И — исчез.

А потом — голос.

Глухой. Как гром за горами:

— *Помни. Искра — не молния. Но она зовёт её...*

Олег упал на колени. Слезы текли по щекам.

Марфа подошла, положила руку ему на плечо.

— Ты готов.

— К чему?

— К тому, что **не вернуться назад**. С этой тропы уже не свернуть.

Он встал. Впервые — с прямой спиной. Повернулся к ней. И шагнул в лес.

Позади — камни. Амулет на груди. Плащ на плечах.

Впереди — **другая жизнь**.

Глава 3. Пробуждение в иной реальности

Позади остались молчаливые камни капища, холодные свидетели его клятвы и прозвучавшего грома. Амулет на груди, вырезанный из сердца старого дуба, казался теплым, почти живым — не просто кусок дерева, а якорь в этом новом, дрожащем мире. Плащ, пахнущий дымом костра, травами и чем-то ещё, неуловимо древним, укрывал плечи надёжнее любой синтетической куртки. Олег шагал в лес, чувствуя, как земля под его новыми лаптями пружинит иначе — не враждебно, но требовательно, словно проверяя каждый его шаг.

Марфа шла рядом, её клюка постукивала по корням и мху с ритмом, похожим на тиканье старинных часов. Лес вокруг них был другим — не тем испуганным, наблюдающим хищником, каким он показался в первый день. Теперь он казался... сосредоточенным. Деревья стояли ровнее, их кроны пропускали больше света, который ложился на тропу золотистыми пятнами. Воздух был чист и прохладен, наполненный запахами хвои, влажной земли и прелых листьев. Тишина не давила, она слушала.

В голове Олега всё ещё гудел отзвук того голоса — глухого, как гром за самыми дальними горами: «Помни. Искра — не молния. Но она зовёт её...» Искра. Та самая, что он неумело высек между пальцами в бане. Тогда это показалось случайностью, сбоем восприятия на фоне стресса. Теперь... теперь он чувствовал её внутри себя. Ни огонь, ни тепло, а скорее... зудящее напряжение. Статический заряд, скопившийся и ищущий разрядки. Физика? Или что-то большее?

— Куда мы идём, Марфа? — наконец спросил он, нарушая тишину. Голос прозвучал немного хрипло, но твёрдо. Это был голос человека, сделавшего выбор, даже не зная всех его последствий.

Старуха остановилась, оперлась на клюку и посмотрела на него своими выцветшими, но всё видящими глазами.

— Туда, где знание ждёт. Где искра твоя должна силу набрать, прежде чем молнию звать. Путь будет долгим, Олег. Не всякий его осилит.

— Я понимаю, — кивнул он, хотя понимание это было больше интуитивным, чем рациональным. Его разум физика цеплялся за знакомое: энергия не возникает из ниоткуда, она преобразуется. Но здесь законы работали... шире? Глубже? — Нужно учиться?

— Нужно слушать, — поправила Марфа. — И помнить. Твои знания из того, прежнего мира... они не бесполезны. Колесо ты запустил, так? Закон применил. Но здесь законы старше, и они не только в камне и воде, но и в слове, в духе, в намерении. Твоя искра — это связь. Мост между тем, что ты знаешь, и тем, что мир помнит.

Она снова тронулась в путь, её шаги были легкими, несмотря на возраст.

— Сначала — к Лесному Хозяину. Он многое знает о силе, что течёт под корнями. Но он... своенравен. Говорить с ним надо уважительно. И не всегда прямо.

— Леший? — Олег вспомнил деревенские перешёптывания и собственные детские страшилки. От одной мысли стало не по себе.

— Люди зовут его так, — Марфа пожала плечами. — Имя — лишь звук. Важна суть. Он — хранитель троп, страж равновесия. И он увидит твою искру. Вопрос — что он с этим решит сделать.

Олег сглотнул. Он коснулся амулета на груди. Тёплый. Живой.

— Навигатор бы сейчас не помешал, — пробормотал он себе под нос с кривой усмешкой. — Хотя он и дома на мосту с ума сошёл...

Марфа, не оборачиваясь, тихо хмыкнула.

— Лучший навигатор здесь — твоё чутьё. И старые знаки. Смотри под ноги, пришлый. Лес сам подскажет дорогу тому, кто умеет видеть.

Они шли дальше, углубляясь в лес, который становился всё гуще, всё древнее. Тени удлинились, свет играл на коре деревьев, рисуя причудливые узоры. Олег внимательно смотрел по сторонам, пытаясь заметить те самые «старые знаки» — зарубку на дереве странной формы, необычно изогнутую ветку, камень с едва заметным символом. Мир вокруг перестал быть просто декорацией. Он стал книгой, которую нужно было научиться читать. И первая страница была про Лешего.

Лес менялся постепенно, но неотвратимо. Тропа под ногами стала менее явной, порой теряясь среди папоротников высотой по пояс и зарослей колючего кустарника, который, казалось, раздвигался перед Марфой сам собой, но норовил цапнуть Олега за штанину. Деревья стали толще, их кора — грубее, покрытая седыми лишайниками, словно бородой старца. Свет почти не проникал сквозь сомкнутые кроны, создавая сумрачное, зеленоватое освещение. Воздух стал плотнее, насыщеннее запахом сырой земли, грибов и чего-то терпкого, смолистого. Тишина здесь была иной — не просто отсутствие звука, а звенящее, напряжённое ожидание.

Олег старался следовать совету Марфы. Он вглядывался в переплетение ветвей, в узоры мха на камнях, в следы на влажной почве. Вот камень, похожий на спящего зверя. Вот дерево, изогнутое так, будто оно кланяется кому-то невидимому. Он заметил странные зарубки на стволе одной из сосен — не похожие на метки дровосека, скорее на какой-то забытый язык символов.

— Марфа, смотри, — тихо позвал он, указывая на знаки. — Это они? Старые знаки?

Старуха подошла, прищурилась.

— Отчасти. Это — предупреждение. Знак, что мы входим в Его владения. Дальше — нужно быть осторожнее в словах и мыслях. Лесной Хозяин слышит не только ушами.

— Мыслями? — Олег нахмурился. Физик в нём протестовал. Мысль — это электрохимические процессы в мозгу. Как их можно "услышать"? Но потом он вспомнил ту искру между пальцами, вспомнил голос, прозвучавший из камней капища. Здесь действовали иные принципы. — Как... как радиоволны? Невидимые, но несущие информацию?

Марфа усмехнулась, её морщинки собрались у глаз.

— Ты пытаешься уложить большое в малое, Олег. Мир здесь... живой. Как твоё тело. Когда ты думаешь о боли — тело её чувствует. Когда ты думаешь с опаской — лес её чувствует. Твои мысли — это тоже сила. Искра. Намерение. Хозяин чуток к таким вещам. Он не любит лжи и злого умысла. Но и пустого любопытства тоже не жалуется.

Они продолжили путь. Олег старался думать... ни о чём? Или о чём-то правильном? Но что здесь считалось правильным? Уважение? Да, пожалуй. Он шёл, стараясь ощущать под ногами каждый корень, каждую веточку, словно здоровался с лесом. Он думал не о страхе перед Лешим, а о том, как устроено это место, как течёт здесь энергия, как связаны деревья и камни. Он вспоминал свои лекции о взаимодействии сил, об экосистемах, но пытался добавить к этому новое измерение — чувство, намерение, "дух".

Вдруг Марфа резко остановилась. Она подняла руку, прислушиваясь. Олег замер тоже. Тишина стала абсолютной. Даже шелест листьев, который казался вечным фоном, стих. И в этой тишине он услышал — тихий, едва различимый треск сухой ветки где-то справа. А потом — слева. Словно кто-то невидимый обходил их по кругу.

— Он наблюдает, — прошептала Марфа. Её голос был спокоен, но Олег почувствовал, как по его спине пробежал холодок. — Не показывай страха. Но и дерзости не показывай. Иди. Ровно. Дыши.

Тропа перед ними раздваивалась. Одна тропа выглядела утоптанной, широкой, почти манящей. Другая — узкой, едва заметной, уходящей в густые заросли орешника. Олег инстинктивно шагнул было к широкой, но Марфа мягко удержала его за рукав плаща.

— А ну-ка, пришлый. Почувствуй. Куда ведёт настоящая тропа? Где путь, а где обманка?

Олег закрыл глаза. Он попытался отогнать логику, которая кричала, что широкая тропа — правильная. Он вслушался в тишину, в свои ощущения. Та искра внутри, тот тихий гул напряжения — куда он тянулся? Он представил себе поток энергии, ищущий путь наименьшего сопротивления. Широкая тропа казалась... пустой. Фальшивой. А вот узкая, неудобная... от неё исходило едва уловимое тепло, знакомое по амулету на груди.

— Туда, — сказал он, открывая глаза и указывая на узкую тропинку. — Там... правильнее.

Марфа кивнула с одобрением.

— Верно мыслишь. Или верно чувствуешь. Здесь это одно и то же. Хозяин любит такие проверки.

Они свернули на узкую тропу. Едва они сделали несколько шагов, как позади, там, где начиналась широкая тропа, раздался громкий треск и звук падения чего-то тяжелого. Олег обернулся — ствол старого, гнилого дерева рухнул, перегородив ложный путь. Ловушка.

— Вот тебе и Леший, — пробормотал Олег, чувствуя, как сердце колотится быстрее. Он только что избежал неприятностей, доверившись не глазам, а чутью. Это было... странно и волнующе одновременно.

— Он не злой, Олег, — сказала Марфа, продолжая идти. — Он — порядок. Он испытывает тех, кто входит в его дом. Хочет знать — не сломают ли, не навредят ли. Мы почти пришли. Чувствуешь? Воздух стал другим.

И Олег почувствовал. Воздух стал легче, чище, словно они вышли к роднику. И звон колокольчика, тот самый, что он слышал при пробуждении, стал ближе, отчётливее. Он доносился откуда-то из глубины поляны, скрытой за стеной древних елей.

Они подошли к краю этой стены. Перед ними открывалась небольшая, залитая мягким зеленоватым светом поляна. В центре её стоял огромный, замшелый валун, похожий на сидящего медведя. У подножия валуна бил родник, вода стекала по мху тонкими серебристыми струйками. А рядом с валуном, прислонившись к нему спиной, сидел... никто? Место казалось пустым, но Олег чувствовал взгляд. Пристальный, изучающий, древний, как сам лес.

— Вот и пришли, — тихо сказала Марфа, останавливаясь на краю поляны. — Дальше — твой разговор. Помни мои слова. Говори с уважением. И не лги.

Олег глубоко вздохнул, поправил плащ и шагнул на поляну. Звон колокольчика стал громче, он висел прямо в воздухе, казалось, исходя отовсюду и ниоткуда.

Поляна встретила Олега звенящей тишиной, которая была громче любого крика. Колокольчик не умолкал, его переливы пронизывали воздух, вплетаясь в странное ощущение напряжения, исходящего от центрального валуна. Олег сделал ещё несколько шагов, останавливаясь в паре метров от камня-медведя и бьющего у его подножия родника. Он чувствовал взгляд — не глазами, а всей кожей. Он был изучающим, древним, беспристрастным, как взгляд самой природы, видевшей рождение и смерть тысячелетий.

Нужно что-то сказать. Не молчать, как испуганный кролик. Олег откашлялся, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Здравствуй, Хозяин Леса, — начал он, слегка склонив голову. Уважительно. Как учила Марфа. — Меня зовут Олег. Я... пришлый. Издалека. Марфа привела меня сюда. Я не ищу здесь зла и не несу его с собой. Я лишь пытаюсь... понять. И найти свой путь.

Тишина в ответ. Только звон колокольчика и тихое журчание родника. Но взгляд не исчез, он словно стал плотнее, проникая под плащ, под кожу, в самые мысли. Олег чувствовал, как его оценивают, взвешивают каждое слово, каждое намерение. Он подумал о своей "искре" — той непонятной силе внутри. Стоит ли говорить о ней? Или это будет воспринято как хвастовство?

«Что ищешь ты, дитя иного мира?»

Голос возник не в ушах. Он прозвучал прямо в сознании — глубокий, шелестящий, как кроны старых дубов на ветру, с отголосками треска сучьев и журчания воды. Не мужской и не женский. Голос самого леса.

Олег вздрогнул от неожиданности, но постарался сохранить самообладание. Отвечать. Честно.

— Я ищу... смысл, наверное, — выдохнул он. — Там, откуда я пришёл, я его потерял. Был учителем, учил законам мира... физике. Потом стал... никем. Пустым местом. Здесь... я снова чувствую, что мир живой. Что есть что-то большее. Марфа сказала... что во мне есть искра. Я не знаю, что это значит. Но я хочу научиться. Не разрушать. Понимать.

Он запнулся, подбирая слова. Как объяснить физику тому, кто и есть часть мира?

— Законы... они ведь есть везде. Сила притяжения, потоки энергии... У вас это, наверное, называется по-другому. Духи? Воля? Но суть... суть ведь в равновесии? В том, как всё связано? Я хочу это понять.

Снова молчание. Но на этот раз оно было другим — не испытующим, а скорее... задумчивым. Олег почувствовал, как лёгкий ветерок коснулся его лица, принёс запах влажного мха и сосновой смолы. Словно Леший принюхивался.

«Искра... Да. Чужая. Яркая... для пришлого. Не сжечь бы лес по незнанию... или себя самого.»

Голос звучал уже не так отстранённо. В нём появились нотки... любопытства? Или предостережения?

«Знания твои... острые, как стекло битое. Режут привычный уклад. Но и свет преломить могут, если правильно повернуть. Видишь воду?» — Голос указал на родник.

Олег посмотрел. Чистая вода била из-под камня, собиралась в небольшую чашу и утекала тонким ручейком в мох.

— Вижу.

«Она помнит. Помнит камни, сквозь которые текла. Помнит небо, из которого упала дождём. Помнит корни, которые пила. В ней — сила жизни. Но и сила забвения. Сможешь ли ты... прочесть её?»

Прочесть воду? Что это значит? Олег подошёл ближе к роднику. Он опустился на одно колено, вглядываясь в прозрачную струю. Физик внутри него тут же начал анализировать: температура, минеральный состав, скорость потока... Но голос говорил не об этом. "Прочесть". Услышать её память.

Он протянул руку, но не коснулся воды. Он сосредоточился на ощущении, которое исходило от родника. Холодок. Свежесть. И что-то ещё... движение. Постоянное, неумолимое. Жизнь. Он закрыл глаза, пытаясь "услышать" не ушами, а той самой искрой внутри. Он представил себе путь этой воды — от облака, к земле, сквозь толщу пород, через корни... Он ощутил древность камня, из-под которого она била, почувствовал прохладу глубокой земли. Он не видел картинок, но возникло... знание. Простое, ясное.

— Она... спокойная, — прошептал Олег, открывая глаза. — И очень старая. Шла долго. Через... твёрдые камни. И несёт... свежесть... словно от первого талого снега. И ещё... капля горечи? Далеко... от пожарища?

Он поднял глаза. Взгляд, который он чувствовал, чуть изменился. Стал мягче?

«Видишь... Не только глазами. Слышишь... Не только ушами. Искра твоя к миру тянется. Хорошо. Но опасно.»

Колокольчик зазвенел чуть тише, спокойнее. Ветер снова прошёлся по поляне, взъерошив волосы Олега.

«Учись. Но помни меру. Сила без понимания — огонь в сухом лесу. Иди к воде живой. Ищи Омуты Тихие. Там мудрость глубже, чем у корней. Марфа знает тропу.»

Голос стал затихать, растворяясь в шелесте листьев и журчании родника. Ощущение пристального взгляда ослабло, хотя и не исчезло совсем. Олег понял — аудитория окончена.

Он медленно поднялся. Ноги немного дрожали, а лоб покрылся испариной. Он чувствовал себя выжатым, но одновременно... наполненным? Он сделал то, что казалось невозможным — поговорил с Лешим. И тот... его не прогнал. Даже дал совет.

Он поклонился валуну и роднику.

— Спасибо, Хозяин Леса. Я буду помнить.

Развернувшись, он пошёл обратно к краю поляны, где его ждала Марфа. Старуха смотрела на него с лёгкой улыбкой в глубине глаз.

— Ну что, пришлый? Не съел тебя Лесовик?

— Нет, — Олег слабо улыбнулся в ответ. — Но предупредил. Сказал искать Омуты Тихие. Учиться у воды.

— А я говорила — услышит, — Марфа удовлетворённо кивнула. — Хозяин справедлив. Увидел, что ты не пустой сосуд и не злодей. Омуты, значит... Хорошо. Путь неблизкий, но верный. Там сила земли и воды сходится. То, что нужно твоей искре, чтобы гореть ровно, а не вспышками. Пойдём. Ноги сами дорогу найдут, раз Хозяин дозволение дал.

Они вышли с поляны. За спиной остался звон колокольчика и тихий шёпот леса, принявшего чужака. Шаг за шагом Олег уходил от владений Лешего, унося с собой не только его слова, но и новое, пугающее и обнадеживающее знание: мир действительно был живым. И он начал говорить с ним.

Глава 4. Я — не дух

Путь обратно из глубин леса казался легче. Возможно, дело было в разрешении, данном Лесным Хозяином, словно невидимый барьер был снят, и тропа под ногами стала дружелюбнее. Или же изменилось что-то в самом Олеге. Он шёл, погружённый в свои мысли, пытаясь осмыслить невероятный опыт — разговор с духом леса, прозвучавший прямо в сознании. Физик в нём всё ещё пытался найти рациональное объяснение — коллективная бессознательность, акустические феномены, самовнушение на фоне стресса? Но другая, только пробуждающаяся часть его существа, та, что почувствовала «искру» и «прочла» воду, знала — это было реально. Реально в рамках этого мира.

Он чувствовал усталость, но не опустошение. Скорее, как после интенсивной умственной работы или долгой пробежки — приятная ломота в мышцах и ясность в голове. Амулет на груди оставался тёплым.

— Марфа, — обратился он к старухе, когда они миновали знакомый ручей, журчавший уже без той напряжённой тишины, что царила у владений Лешего. — Эти Омуты Тихие... Что это за места? Почему именно там нужно учиться?

Марфа неспешно шла рядом, постукивая клюкой. Её лицо было, как всегда, нечитаемо, но в глазах мелькало что-то вроде удовлетворения.

— Сила, Олег, она как река. Бывает бурным потоком, что камни ворочает, — она кивнула на быстрый ручей, — а бывает тихой заводью, омутом, где вода стоит почти недвижно, но глубина велика и ил на дне помнит века. Твоя искра сейчас — как горный ручей после ливня: рвётся наружу, брызжет во все стороны, силы много, а толку чуть. И себя истощить может, и берега размывать.

Она остановилась, обвела взглядом вековые деревья вокруг.

— А Омуты Тихие — это места силы спокойной. Там энергия земли и воды собирается, течёт медленно, глубоко. Как дыхание спящего великана. Там можно научиться слушать её ток, чувствовать его ритм, направлять свою искру не вспышкой, а ровным пламенем. Понять её суть, её меру. Прежде чем молнии звать, как шептал тебе Камень Древний, нужно сперва свечу зажечь да удержать, чтоб не погасла от сквозняка и дом не спалила. Понимаешь?

Олег кивнул. Аналогия была ясна даже его физическому складу ума. Контроль. Эффективность. Аккумуляция и направленное высвобождение энергии. Только здесь «энергия» была чем-то большим, чем джоули и калории.

— Понимаю. Как... как учиться управлять напряжением, чтобы не было короткого замыкания?

— Можно и так сказать, — Марфа чуть улыбнулась. — Ум у тебя острый, пришлый. Главное, чтоб сердце не отставало.

Они шли дальше, и лес постепенно редел. Стали видны просветы неба, послышался отдалённый стук топора, лай собаки. Знакомые звуки возвращали из мира духов и лесных хозяев к миру людей. Олег почувствовал лёгкий укол беспокойства. Как его встретят в деревне? После починки мельницы отношение вроде потеплело, но его уход в лес с Марфой, «ведьмой», как шептались некоторые, мог снова всё испортить. Он не был своим. Он всё ещё был чужаком, «пришлым с искрой».

Вот и окраина Селища. Несколько покосившихся заборов, огороды, где женщина в платке выдёргивала сорняки. Увидев их с Марфой, она выпрямилась, замерла, провожая долгим, настороженным взглядом. Дальше, у поленницы дров, мужик, рубивший полено, опустил топор и тоже уставился на них. Дети, игравшие у калитки одного из домов, притихли и попятиться к крыльцу.

Атмосфера снова изменилась. Лесная открытость, пусть и суровая, сменилась сдержанной подозрительностью человеческого сообщества. Воздух стал плотнее от невысказанных вопросов и старых страхов. Олег невольно втянул голову в плечи, поёжился под плащом. Одно дело — Леший, которого он не видел, но чувствовал. Другое — эти прямые, изучающие взгляды людей, которые видели в нём непонятное, а значит — потенциально опасное.

— Не робей, — тихо сказала Марфа, заметив его состояние. — Люди всегда боятся того, чего не знают. Но они и тянутся к тому, кто не боится сам. Иди ровно. Они помнят твою помощь с мельницей. Это весит больше, чем пересуды.

Они вошли в деревню. Несколько человек, что были на улице, замерли, провожая их взглядами. Кто-то отводил глаза, кто-то смотрел прямо, с вызовом. Олег старался держать спину прямо, как учила Марфа, но чувствовал себя как под микроскопом. Вот он, чужак. Не такой, как все. Одет странно. Говорит непонятно. Пришёл невесть откуда. Ходит с Марфой в зачарованный лес. Кто он? Не дух ли? Не навредит ли?

У колодца стояли две женщины с ведрами. Одна, постарше, смерила Олега тяжёлым взглядом и что-то быстро прошептала второй, помоложе. Та ойкнула и поспешно отвернулась, прикрыв рот рукой.

Олег вздохнул. Кажется, экзамен у Лешего был проще. Там хотя бы правила были понятнее: уважение и честность. А здесь... здесь действовали страхи, слухи и вековые предубеждения. Ему снова предстояло доказывать, что он — не враг. Просто человек. Человек, который сам не до конца понимает, кто он теперь такой.

Марфа повела Олега не к его временному пристанищу в бане, а к центральной площади деревни — небольшому утоптанному пятачку земли между общим колодцем, домом старосты и старой липой, под которой стояла грубо сколоченная скамья. Несколько человек уже собрались здесь, словно ждали их. Среди них был и тот широкоплечий мужик с плетёной бородой, который встречал их в первый раз, и пожилой старейшина с посохом, что ворчал на «чужие штучки» у мельницы, и те самые женщины от колодца. Атмосфера была густой, как кисель.

— Марфа, привела ты его, — первым нарушил молчание старейшина, стукнув посохом о землю. Голос его был скрипучим, как несмазанная телега. — Зачем водила в Лес Тёмный? Не будила ли чего лихого? Говорили бабы, совы кричали не к добру прошлой ночью.

— Лес принял его, Степан, — спокойно ответила Марфа, останавливаясь перед толпой. Олег встал рядом с ней, чувствуя себя экспонатом на выставке диковин. — Хозяин сам говорил с ним. Дал дозволение путь держать к Омутам Тихим.

По толпе прошёл ропот. Разговор с Лешим? Дозволение? Это было не просто странно, это было из ряда вон. Либо Марфа врал, либо этот пришлый был кем-то совершенно особенным. И не факт, что в хорошем смысле.

— Хозяин... — недоверчиво протянул бородатый мужик, которого, как Олег помнил, звали Ратибором. — А не морочит он голову тебе, ведунья? Может, сам Лешак ему в уши шепчет, чтоб к нам пробраться? Иль дух он блуждающий, прикинулся человеком? Одежа на нём — не наша, говорит — не по-нашему...

Он шагнул ближе, всматриваясь в Олега с нескрываемым подозрением. Олег почувствовал, как десятки глаз впилась в него, ожидая, что он сейчас растворится в воздухе или покажет клыки. Страх и недоверие висели в воздухе так плотно, что их можно было потрогать.

Олег знал, что молчать нельзя. Отступать нельзя. Он вспомнил фразу, что пришла ему на ум ещё в первый день. Сейчас был самый подходящий момент. Он шагнул вперёд, чуть споткнувшись о корень, торчащий из земли, и едва не полетел носом в пыль, но удержался в последний момент, неловко взмахнув руками. Несколько детей тихо хихикнули, но тут же смолкли под строгим взглядом матери.

Олег выпрямился, отряхнул плащ и постарался улыбнуться — криво, смущённо, но искренне.

— Дух? Я? — он покачал головой и развёл руками, показывая на себя — рваная штанина, которую он кое-как зашил грубой ниткой, пыльные лапти, ссадина на локте, которую он заработал, споткнувшись в лесу. — Посмотрите на меня! Если я и дух, то самый неуклюжий и невезучий во всех мирах! Духи, они ж, наверное... летают? Сквозь стены ходят? Не спотыкаются на ровном месте? И уж точно не боятся ваших коз! — он вспомнил атаку агрессивной курицы в первый день, что добавило убедительности его словам.

Он попробовал говорить медленно, чётче выговаривая слова, которые уже успел подхватить, добавляя жесты. Его голос звучал немного нервно, но без фальши.

— Я понимаю ваш страх. Я сам... не понимаю до конца, как я здесь оказался и что происходит. Но я — человек. Был учителем. Физику преподавал... это про то, как мир устроен, про силы, про движение... Как ваша мельница работает, например.

Упоминание мельницы немного смягчило выражение лиц у некоторых мужиков. Ратибор всё ещё хмурился, но уже не так враждебно.

— Фи-зи-ка? — протянул он незнакомое слово. — Мудрёно говоришь. Но мельницу... да, починил справно, дело говоришь. Крутится.

— Вот! — Олег с энтузиазмом подхватил. — Потому что я знаю законы. Как вода давит, как колесо крутится. Это не магия... ну, не совсем. Это... порядок вещей. Я хочу понять и ваш порядок. Лес... Хозяин... духи... Может, это просто другие законы? Другая физика? Я не хочу рушить. Я хочу учиться.

Он замолчал, чувствуя, что сказал всё, что мог. Теперь оставалось ждать. Толпа молчала. Старейшина Степан задумчиво ковырял землю посохом. Женщины перешёптывались.

И тут один из мальчишек, самый смелый, выглянул из-за спины Ратибора и спросил тонким голоском:

— А ты правда... искру можешь? Как Марфа говорила? Покажи!

Все взгляды снова обратились к Олегу. Показать? Ту неуправляемую искорку, что чуть баню не спалила? Перед всеми? Он почувствовал лёгкую панику. Что, если не получится? Или получится слишком сильно?

Он посмотрел на Марфу. Та едва заметно кивнула. Мол, решай сам, но момент важный.

Олег глубоко вздохнул. "Сила без понимания — огонь в сухом лесу," — вспомнились слова Лешего. Но и полное бездействие — тоже не выход. Нужно показать, что он не пустое место, но и не всемогущий колдун. Что-то малое. Контролируемое.

Он протянул руку ладонью вверх. Сосредоточился. Вспомнил ощущение статического разряда, то внутреннее напряжение. Он не пытался вызвать молнию. Он просто... позвал. Тихонько. Искра.

Секунда, другая... ничего. Олег почувствовал, как краснеет под взглядами. "Ну вот, дух называется," — пронеслось в голове. Он уже хотел опустить руку, как вдруг между его пальцами вспыхнул крохотный, голубоватый огонёк. Не больше светлячка. Он продержался мгновение и погас, оставив лёгкий запах озона.

По толпе пронёсся вздох. Не страха, а... удивления. Это было не грозно, не пугающе. Это было... необычно. Красиво. Мальчишка ахнул. Даже старейшина Степан перестал ковырять землю и смотрел на Олега с новым выражением — смесью недоверия и любопытства.

— Видали? — прошептала одна из женщин. — Маленькая совсем...

— Не похож он на упыря, — пробасил кто-то из мужиков. — Те огонь не любят.

Олег почувствовал, как лёд недоверия дал первую трещину. Он не стал героем в их глазах, но, возможно, перестал быть просто «чужим» и «страшным». Он стал... непонятным, но уже не таким опасным.

— Он учится, — сказала Марфа в наступившей тишине. Голос её звучал ровно, но весомо. — Как дитя учится ходить. Да, он пришлый. Да, у него есть искра. Но он хочет понять наш мир, а не сломать его. И Лес дал ему на это право. Разве мы будем спорить с Лесом?

Возражений не последовало. Степан крикнул, выпрямился.

— Ладно. Пусть будет. Но под присмотром. Твоим, Марфа. И нашим. Поглядим ещё, что за фрукт этот... фи-зик. А пока... пусть живёт. Раз Лес не против.

Он развернулся и пошёл к своему дому. Толпа стала расходиться, обсуждая увиденное. На Олега всё ещё косились, но уже без прежнего страха. Скорее, с любопытством и настороженностью.

Олег выдохнул с облегчением. Кажется, бурю удалось переждать. Пока что.

Когда толпа окончательно рассеялась, оставив после себя лишь пыль на утопанной земле и гнетущее ощущение чужого внимания, Олег позволил себе выдохнуть полной грудью. Напряжение медленно отпускало, оставляя послевкусие адреналина и ноющую усталость. Он поймал взгляд Марфы — в её глазах не было ни триумфа, ни упрёка, лишь спокойное знание, как будто она наблюдала за неизбежным ходом событий.

— Пронесло, кажется? — пробормотал Олег, проводя рукой по лбу, стирая невидимый пот.

— На сегодня — да, — кивнула Марфа. — Степан — старый ворчун, но слово держит. Раз сказал — поглядим, значит, время у тебя есть. Но расслабляться рано. Доверие здесь, Олег, не искра — оно как дерево растёт. Медленно. Годами. А рушится — в один миг, от одного неверного удара топора.

Они медленно пошли по улице, направляясь к бане, служившей Олегу домом. Солнце уже клонилось к верхушкам деревьев, окрашивая небо в мягкие, розоватые тона. Деревня погружалась в вечерние хлопоты: где-то заскрипел колодезный ворот, запахло дымом из печных труб, мычала корова, вернувшаяся с пастбища. Обычная деревенская жизнь, в которую он пока совершенно не вписывался.

— Ты показал им малое, — продолжила Марфа, словно читая его мысли. — Это хорошо. Не напугал. Но и не убедил до конца. Любопытство теперь борется со страхом. Важно, что ты будешь делать дальше. Каждый твой шаг будут подмечать. Каждое слово — взвешивать.

— Да уж, почувствовал себя рыбой в аквариуме, — невесело усмехнулся Олег. — Или подопытным кроликом.

— Ты и есть подопытный, пришлый, — беззлобно заметила Марфа. — Для них. И для себя самого. Но прежде чем идти к Омутам, тебе нужно... обустроиться немного. Негоже в таком виде путь держать.

Она указала на его одежду — потёртую, местами рваную рубаху из грубого холста, залапанные штаны, изношенные лапти.

— Нужно справиться тебе одежду покрепче. И обувь поудобнее. Да и кое-какие припасы в дорогу не помешают. Пойдём-ка к Аксинье. Она у нас ткачиха знатная, да и мужик её, Мирон, сапожным делом балуется. Может, найдётся что подходящее.

Они подошли к одной из самых ладных хат в деревне, с резными наличниками и небольшим цветником под окном. Из трубы вился аккуратный дымок. Марфа постучала своей ключкой по дверному косяку.

Дверь отворила женщина средних лет, с добрыми глазами и натруженными руками. Она сперва удивлённо посмотрела на Олега, потом перевела взгляд на Марфу. В её глазах не было страха, скорее, спокойное любопытство.

— Марфа, здравствуй. И ты... гость... здравствуй, — сказала она мягким голосом, пропуская их внутрь. — Слыхала уж, что Лес тебя не тронул.

Внутри хаты было чисто, пахло травами и свежеспеченным хлебом. В углу стоял ткацкий станок, на лавках лежали свёртки ткани.

— Здравствуй, Аксинья, — ответила Марфа. — Дело у нас к тебе. Пришлого одеть надо по-людски. Путь ему предстоит неблизкий, к Омутам.

Аксинья окинула Олега оценивающим взглядом, словно прикидывая размер.

— Путь к Омутам... Не каждому такое доверяют. Видать, и правда ты не простой человек. — Она подошла к лавке, развернула один из свёртков. — Вот, холстина плотная, крепкая. Рубаху да порты сшить можно. А Мирон как раз вчера сапоги одни доделал, крепкие, кожаные. Может, и подойдут по ноге.

Она протянула Олегу одежду. Он осторожно взял её. Ткань была грубоватой, но прочной и приятно пахла льном. Он чувствовал себя неловко, принимая помощь от незнакомых людей, которые ещё утром смотрели на него как на врага.

— Спасибо, Аксинья, — искренне сказал он. — Я... я не знаю, чем могу отплатить. У меня ничего нет.

— Отплата потом найдётся, — махнула рукой женщина. — Доброе дело всегда добром вернётся. Ты мельницу запустил — всей деревне подспорье. Этого пока хватит. Примерь пока сапоги, вон там, у печки стоят.

Олег сел на скамью и осторожно стянул свои потрёпанные лапти. Новые сапоги из толстой, добротной кожи оказались чуть великоваты, но с толстой онучей, которую тут же принесла Аксинья, сели как влитые. Он впервые за долгое время почувствовал под ногами твёрдую, надёжную подошву. Невероятное ощущение.

Когда они вышли от Аксиньи, уже почти стемнело. Олег нёс свёрток с новой одеждой, чувствуя странную смесь благодарности и неловкости.

— Они... добрые люди, — сказал он Марфе.

— Люди везде люди, Олег, — ответила та. — Со страхами, с надеждами, с добротой и злобой. Зависит от того, что ты в них разбудишь. Ты сегодня разбудил любопытство и каплю доверия. Это начало.

Они подошли к старой липе на площади. Марфа остановилась, коснулась морщинистой рукой её толстого ствола.

— Завтра перед рассветом выдвигаемся. Путь до Омуты дня три займёт, если лесные тропы будут благосклонны. А пока... отдохни. Но прежде... Попробуй услышать дерево. Не мысли Хозяина Леса, нет. Просто... жизнь. Его медленную, глубокую жизнь. Приложи ладонь. Не думай. Просто слушай. Искрой своей.

Олег с сомнением посмотрел на дерево, потом на Марфу. Это было ещё одно странное задание. Но он помнил слова Лешего, помнил свою реакцию на воду родника. Он шагнул к липе, ощущая её древность, её спокойную мощь. Он положил ладонь на тёплую, шершавую кору. Закрыв глаза.

Сначала — ничего. Только шум ветра в ветвях и собственное дыхание. Потом он попытался сосредоточиться на «искре» внутри, не пытаясь её зажечь, а просто... ощутить. И тогда он почувствовал. Едва уловимую, медленную вибрацию под ладонью. Не пульс, скорее... очень медленное гудение. Ощущение силы, уходящей глубоко в землю и тянущейся к небу. Спокойствие. Древнее, мудрое спокойствие живого существа, которое видело смену сотен времён года.

Он стоял так несколько минут, забыв о деревне, о Марфе, о себе. Просто слушая молчаливый язык дерева.

Когда он открыл глаза, Марфа уже ушла. Он остался один под раскидистыми ветвями старой липы, в обступающих сумерках чужого мира, с новой одеждой в руках и ощущением медленного гудения под кожей. Он вернулся в свою баньку, аккуратно сложил новую одежду, подбросил дров в остывающую печку и лёг на свою лежанку из листьев. Он был всё так же одинок и уязвим, но сегодня он сделал шаг. Небольшой, неуверенный, но шаг вперёд. И завтра его ждал путь к Омутам Тихим. Путь к пониманию.

Глава 5. Трудности волшебства

Рассвет только-только начал окрашивать восточный край неба, прогоняя ночные тени из Селища. Воздух был прохладным и чистым, пахло росой, влажной землёй и дымком из редких, уже затопленных печей. Олег, одетый в новую, добротную холщовую рубаху и порты, с крепкими сапогами на ногах, чувствовал себя немного неуклюже, но гораздо увереннее. На плече висела простая сума, в которую Аксинья и Марфа уложили скудные, но необходимые припасы: краюху хлеба, кусок вяленого мяса, флягу с водой и мешочек с солью. Амулет на шее под рубахой привычно теплел.

Марфа ждала его у околицы, опираясь на свою неизменную клюку. Её силуэт на фоне предрассветного неба казался вырезанным из самой ткани мира – древний, неподвижный, знающий. Она молча кивнула, когда Олег подошёл, и они тронулись в путь, покидая сонную деревню. За спиной остались настороженные взгляды немногих ранних пташек, вышедших во двор, и тихое покашливание старосты Степана, наблюдавшего за их уходом из окна своей хаты.

Лес встретил их знакомой тишиной, но уже без прежней враждебности. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву, рисовали на тропе причудливые узоры. Пели птицы, где-то в отдалении стучал дятел. Олег вдыхал полной грудью чистый лесной воздух, чувствуя, как напряжение последних дней понемногу отступает, сменяясь сосредоточенным ожиданием.

— Итак, пришлый, — нарушила молчание Марфа, когда они углубились достаточно, чтобы звуки деревни стихли за спиной. — Путь начат. И первое, чему ты должен научиться – это слушать мир не только ушами и глазами. Твоя искра, она как шестое чувство, если позволить ей проснуться. Начнём с ветра.

Она остановилась на небольшой прогалине, где солнечный свет падал ярче.

— Ветер – это дыхание мира. Он несёт запахи, звуки, вести. Он – первый помощник путнику и первый вестник перемен. Закрой глаза. Не пытайся услышать его ушами. Почувствуй его... нутром. Своей искрой. Откуда он дует? Сильный ли? Тёплый или холодный?

Олег послушно закрыл глаза. Физик в нём немедленно начал анализировать: перепад давлений, нагрев поверхности земли, возможные воздушные потоки между холмами... Он попытался отогнать эти мысли. «Почувствуй искрой». Что это значит? Он сосредоточился на том внутреннем напряжении, которое ощутил вчера у дерева. Попытался как бы... выставить его наружу, как антенну.

Сначала ничего не происходило. Тишина, пение птиц, тепло солнца на лице. Он напрягся сильнее, пытаясь «вытолкнуть» своё восприятие за пределы тела. Голова слегка закружилась, в ушах зазвенело. Он почувствовал лёгкое, едва заметное движение воздуха на щеке.

— С... слева? — неуверенно пробормотал он. — Слабый... Тёплый вроде...

Марфа хмыкнула.

— Ушами услышал и кожей ощутил. Это каждый может. А ты — искрой попробуй. Не силой дави, не умом разбирай. Просто... откройся ему. Позволь ветру самому сказать тебе, откуда он и какой. Представь, что твоя искра – это листок на ветке. Куда его ветер клонит?

Олег вздохнул и попробовал снова. Отпустить контроль. Не анализировать. Просто быть... листком. Он представил себе лёгкий лист, колышущийся на ветру. И вдруг почувствовал — не щекой, а всем своим существом — чёткое, мягкое давление с северо-запада. Оно было прохладным, пахло сырой землёй и далёким болотом.

— Северо-запад, — сказал он увереннее. — Прохладный. Пахнет... сыростью.

— Вот! — В голосе Марфы прозвучало удовлетворение. — Слышишь? Не силой взял, а слухом тонким. Но как ты себя чувствуешь?

Олег открыл глаза. Он чувствовал... вымотанность. Словно пробежал пару километров. Лёгкое головокружение и слабость в ногах.

— Как будто... батарейка села, — признался он.

— Верно, — кивнула Марфа. — Сила, она не из воздуха берётся. Ты отдал часть себя, чтобы услышать мир. Малое дело — малая отдача. Большое дело... может и вовсе без сил оставить, если не знать меры и не уметь черпать из мира взамен. Потому и идём к Омутам — учиться не только отдавать, но и брать. Слушать не только ветер, но и воду, и землю. Учиться быть частью потока, а не камнем, что его преграждает.

Она указала на тонкий ручеёк, пробивающийся сквозь корни старой ели.

— Смотри. Вода не ломает камень, она его обтекает. Находит путь. Твои знания физики... они как тот камень. Твёрдые, понятные. Но здесь нужно быть как вода. Гибким. Восприимчивым. Твоя искра — это твоё течение. Научись направлять его мягко, без лишних усилий.

Она сделала знак следовать за ней. Тропа снова нырнула под густые кроны.

— Попробуй теперь сам. Веди нас. Не глазами ищи тропу, а чутьём. Куда влечёт тебя твоя искра? Где путь легче, где мир пропускает тебя охотнее?

Олег опешил. Вести? Он? В этом лесу, где он и заблудиться-то боялся?

— Но... я же не знаю дороги...

— Дорогу знает твоё нутро, если ты позволишь ему говорить. Здесь нет карт, пришлый. Здесь есть зов. Откликнись на него. Ошибёшься — верну на путь. Но попробуй сам.

Олег неуверенно пошёл вперёд, Марфа следовала чуть позади. Он снова попытался «отпустить» контроль, довериться тому тихому внутреннему голосу, той искре, что вела его к узкой тропинке во владениях Лешего. Он смотрел не столько под ноги, сколько... внутрь себя. Где ощущалось меньше сопротивления? Куда тянуло неуловимое чувство «правильности»?

Он выбрал путь между двумя замшелыми валунами, хотя более протоптанная тропинка уходила чуть левее. Он шёл медленно, прислушиваясь к ощущениям. И снова эта усталость... не физическая, а какая-то внутренняя. Словно он решал сложнейшую математическую задачу, требующую предельной концентрации. Через полчаса такого пути он почувствовал себя совершенно разбитым. Он остановился, опершись о ствол дерева, чтобы перевести дух.

— Трудно, — выдохнул он. — Голова гудит.

— А ты думал, волшебство — это палочкой взмахнуть? — Марфа подошла, её глаза изучали его с пристальным вниманием. — Это труд, Олег. Труд души и воли. Ты учишься новому языку, новому способу быть. Это всегда тяжело вначале. Но ты идёшь верно. Тропа под ногами сама тебе отвечает.

Олег посмотрел вниз. И правда, едва заметная тропинка вела именно туда, куда он шёл, огибая бурелом и топкие места. Он справился. Но какой ценой?

Он вспомнил свои мечты о фэнтези-мирах, где герои легко мечут файерболы и управляют стихиями. Реальность оказалась куда прозаичнее и... энергозатратнее. Никаких бесплатных спецэффектов. За всё нужно платить. Своей силой. Своей концентрацией.

— Отдохни немного, — сказала Марфа, садясь на поваленное дерево. — И запомни: сила любит меру. Лучше сделать малое дело хорошо, чем пытаться сдвинуть гору и надорваться. Поспешность здесь — худший враг.

Олег устало кивнул, садясь рядом. Путь к Омутам Тихим только начался, а он уже чувствовал себя выжатым лимоном. Магия оказалась не сказкой, а тяжёлой работой. И он совершенно не был уверен, хватит ли у него сил её освоить.

Они сидели на поваленном дереве минут десять. Лес жил своей жизнью: шелестели листья, перекликались птицы, где-то вдаль прошуршало что-то в кустах — мелкий зверёк, не иначе. Олег понемногу приходил в себя, головная боль утихала, но ощущение внутренней

опустошенности оставалось. Он достал флягу и сделал несколько глотков прохладной воды. Вкусно. В городе он пил воду из бутылок, не замечая вкуса, а здесь она была... живой.

«Батарейка села», — подумал он снова. — «Где тут розетка или пауэрбанк? Или хотя бы зелье маны выпить, как в играх». Он усмехнулся своим мыслям. Реальность оказалась куда менее удобной, чем самое хардкорное фэнтези. Там герой обычно преодолагает, стиснув зубы, а здесь он чувствовал себя так, словно сдал кровь – литра два. За то, чтобы просто почувствовать ветер и угадать тропинку.

Марфа наблюдала за ним своим пронизывающим взглядом. Она словно видела не только его усталость, но и поток его мыслей, его разочарование и попытки применить старые аналогии к новому миру.

— Отдохнул немного? — спросила она наконец. Олег кивнул. — Хорошо. Слушать мир — это одно. А вот заставить его откликнуться, пусть даже по-малому, — это другое. Требуется не только слуха, но и... голоса. Попробуем простую вещь.

Она подобрала с земли небольшой гладкий камешек, ещё влажный от утренней росы.

— Видишь? Обычный камень. Холодный. Попробуй... согреть его. Не докрасна, нет. Лишь самую малость. Чтобы рука почувствовала тепло. Искрой своей. Не силой дави, а... как бы подыши на него теплом изнутри. Мягко.

Олег взял камень. Он действительно был холодным, гладким, приятно лежал в руке. Согреть его? С помощью... чего? Той самой искры, что он с трудом высекал? Он вспомнил свой эксперимент в бане — маленькая искорка, возникшая почти случайно. Потом — демонстрация на площади, такой же крохотный огонёк. Это была вспышка, мгновенный разряд. А тут нужно было... длительное, контролируемое воздействие. Как поддерживать горение свечи, а не чиркнуть спичкой.

Он снова закрыл глаза, сосредоточился. Нащупал внутри то знакомое зудящее напряжение. Представил, как оно тёплым потоком перетекает из его ладони в камень. Он пытался сделать это «мягко», как говорила Марфа, но инстинктивно напрягся, пытаясь «протолкнуть» энергию. В висках снова застучало, перед глазами поплыли оранжевые пятна. Он чувствовал, как уходит сила, как снова наваливается слабость. Камень в руке... оставался холодным. Абсолютно.

— Не... не получается, — выдохнул он, открывая глаза. Голова снова гудела. — Он холодный. А я... опять пустой.

Он ожидал упрёка или насмешки, но Марфа лишь терпеливо кивнула.

— Потому что ты пытаешься силой гору сдвинуть. Представь себе ручей, — она снова кивнула на воду, бегущую меж корней. — Ты же не будешь кричать на него, чтобы он потек быстрее? Ты уберёшь камень с его пути, расчистишь русло. Так и здесь. Искра — это твой ручей. Ей нужен... проводник. Путь. Просто толкать её во все стороны — бесполезно. Только себя истощишь.

Она взяла камень из его руки.

— Твои знания о мире... физика эта твоя... Как у вас ток течёт?

— По проводам, — машинально ответил Олег. — Где сопротивление меньше. Нужен проводник — медь, например. И источник напряжения. И замкнутая цепь...

— Вот! — Марфа подняла палец. — Проводник! И путь! Твоя искра пока без пути мечется. Ты сам себе путь ещё не проложил. Не знаешь, как её направить точно в цель. Ты её как бы... распыляешь вокруг. А нужно собрать в тонкий луч. Этому и учат Омуты Тихие. Почувствовать не только свою искру, но и потоки силы в мире вокруг. В земле, в воде, в воздухе. И научиться соединять одно с другим. Быть не только источником, но и тем самым проводом, направляющим силу туда, куда нужно.

Она помолчала, давая ему осмыслить.

— Пока ты не научишься этому, любая попытка что-то сделать силой будет как удар кулаком по воде. Много брызг, а толку мало. И усталость великая. Понимаешь теперь, почему Хозяин Леса тебя к воде послал? Вода – лучший проводник и лучший учитель течения.

Олег медленно кивнул. Это имело смысл. Даже с точки зрения его привычной логики. Не просто генерировать энергию, а контролировать её поток, минимизировать потери, фокусировать воздействие. Только материалы и принципы здесь были иными. Не медь и электроны, а... что? Его собственное тело? Его воля? Какие-то невидимые «потоки силы»?

— Так... значит, пока мы не дойдём до Омутов, я... бесполезен? В смысле магии? — спросил он с ноткой разочарования.

— Не бесполезен, — мягко возразила Марфа. — Ты учишься главному – слушать. Себя и мир. Это основа всего. Без этого и у Омутов ничего не выйдет. А пока... вот, смотри.

Она положила ладонь на замшелый ствол дерева рядом. Её лицо стало сосредоточенным, она сделала несколько глубоких, ритмичных вдохов и выдохов. Олег почувствовал, как атмосфера вокруг едва заметно изменилась – воздух стал словно чуть плотнее, насыщеннее. Тот самый маленький камешек, который всё ещё лежал у её ног, слегка дрогнул и покрылся тончайшим слоем инея. Через мгновение иней растаял.

Олег смотрел во все глаза. Марфа не производила никаких всплесков или звуков. Она просто стояла, дышала, касаясь дерева, и камень отреагировал – охладился. Это было незаметно, почти буднично, но Олег понял – вот оно, настоящее умение. Не яркое шоу, а тонкий, точный контроль над энергией мира.

— Земля помнит холод ночи, — тихо сказала Марфа, убирая руку от дерева. Она выглядела совершенно спокойной, не вымотанной. — Нужно лишь попросить её поделиться. И знать, как принять этот дар. Этому ты и будешь учиться. А пока – идём дальше. Путь ждёт.

Они поднялись и снова двинулись по тропе. Олег шёл молча, переваривая увиденное и услышанное. Волшебство оказалось не фейерверком, а сложной наукой, требующей терпения, концентрации и глубокого понимания мира. Его физика была не бесполезна, но её нужно было... расширить. Дополнить новыми законами, новыми переменными. И он чувствовал – несмотря на усталость и трудности – растущее желание понять эти законы. Добраться до Омутов Тихих и наконец-то научиться не просто «искрить», а по-настоящему управлять этой непонятной силой внутри себя.

Они шли уже несколько часов, углубляясь в лес. Солнце поднялось выше, но под густыми кронами царил все тот же зеленоватый полумрак. Тропа вилась меж могучих стволов, петляла, огибая завалы и сырые низины. Олег старался идти ровно, дышать в такт шагам, но тело после утренних «упражнений» с ветром и камнем ощущалось вялым, а голова оставалась непривычно пустой, словно из неё выкачали не только энергию, но и все лишние мысли. Он пытался применять совет Марфы — «слушать мир», но пока это выражалось скорее в повышенной бдительности: он прислушивался к шорохам, принимался к запахам, отмечал малейшие изменения в освещении. Настоящего «слышания искрой» не получалось — он был слишком вымотан, чтобы снова так концентрироваться.

Он размышлял о Марфе. Как легко она охладила тот камень, лишь прикоснувшись к дереву. Никакого напряжения, никакой видимой отдачи силы. Словно она была не просто человеком с «искрой», а частью этого мира, органично встроенной в его энергетические потоки. Кто она? Сколько ей лет? Как она научилась этому? Вопросы роились в голове, но он не решался спросить. Марфа была проводником, учителем, но не подругой, с которой можно болтать по душам. Её мудрость соседствовала с непроницаемой тайной.

«Там я был курьером, крутил педали до одури и чувствовал себя винтиком в чужом механизме», — внезапно подумал Олег, вспомнив серый дождь и усталость совсем иного рода. — «Здесь я валяюсь с ног, пытаюсь почувствовать ветер, и чувствую себя... тоже винтиком? Но уже в другом механизме. Большем. И, может быть, имеющем какой-то смысл?» Эта мысль при-

дала ему немного сил. Лучше быть вымотанным учеником мага, чем выгоревшим курьером. Наверное.

Впереди послышалось журчание воды. Тропа вывела их к неширокому, но довольно быстрому ручью с каменистым дном. Вода выглядела чистой, прозрачной, весело перекачивалась через валуны. Обычный лесной ручей. Но когда они подошли ближе, Олег почувствовал... что-то не то. Неприятный холодок пробежал по спине, не связанный с прохладой от воды. Воздух здесь казался немного затхлым, и птичьи голоса, которые сопровождали их всю дорогу, как-то внезапно стихли.

— Остановись, — тихо сказала Марфа, кладя руку ему на плечо. Она тоже смотрела на ручей с настороженным вниманием.

Олег взгляделся в воду. Ничего подозрительного. Камни, струи, блики солнца... Но ощущение неправильности не проходило.

— Что это, Марфа? — прошептал он.

— А ты сам скажи, — голос Марфы был ровным, но Олег уловил в нём напряжение. — Ты ведь учишься слушать. Что вода шепчет тебе? Или молчит? Или... кричит? Закрой глаза, Олег. Не смотри. Слушай. Искрой своей. Пусть она сама потянется к воде.

Олег сглотнул. Снова это испытание. Снова нужно выжимать из себя остатки сил. Он заставил себя закрыть глаза, отогнать визуальный образ бурлящей воды. Он попытался снова стать «листочком», антенной, нащупать ту связь с миром, что так легко давалась Марфе и так дорого стоила ему. Он «потянулся» своей внутренней искрой к ручью.

И сразу почувствовал. Резкий, диссонирующий холод. Не просто прохлада воды, а ледяное, мёртвое ощущение. Словно вода была не живой, а застывшей, заколдованной. И тишина. Не естественная тишина леса, а вакуум, отсутствие жизни. Журчание, которое он слышал ушами, казалось фальшивым, наложенным поверх этой мертвой тишины.

— Она... мёртвая, — прошептал он, не открывая глаз. Сердце заколотилось чаще. — Холодная... злая какая-то. И тихая. Слишком тихая. Звук... неправильный.

— Верно слышишь, — одобрительно кивнула Марфа. — Морок. Старая ловушка для путников. На вид – чистый ручей, манит пить, умыться. А коснёшься воды – и сон ледяной тебя сморит, навеки здесь и останешься, под корягой у берега.

Олег открыл глаза. Ручей всё так же весело журчал, сверкая на солнце. Но теперь он видел его иначе. Его прозрачность казалась стеклянной, безжизненной, а журчание – механическим повторением звука.

— Ловушка... Кто её поставил?

— Кто ж теперь упомнит? – Марфа пожала плечами. – Может, дух обиженный, может, колдун давний. Место такое. Лес многое хранит. Но твой слух тонкий тебя уберёт. Ты почувствовал фальшь раньше, чем глаза обманулись. Это хороший знак.

— А... что делать? Как пройти? — Олег огляделся. Обойти ручей не представлялось возможным – с обеих сторон подступали густые, колючие заросли и топкая трясины.

— Можно силу ломать силой, — сказала Марфа, — но это шумно, и силы у нас с тобой сейчас немного. А можно... с уважением пройти. Показать, что мы не слепцы и не глупцы. Дай-ка соли щепотку.

Олег достал из сумы мешочек с солью. Марфа взяла щепотку, подошла к самой кромке воды и, что-то тихо прошептав себе под нос, бросила соль в ручей. Там, где кристаллики коснулись воды, на мгновение прошла легкая рябь, словно вода вздрогнула, и неестественный холод чуть отступил.

— Иди теперь, — сказала Марфа. — Быстро иди. И не оглядывайся. И не думай о холоде. Думай о тепле очага, о солнце думай.

Она первой легко перепрыгнула по камням на другой берег. Олег, стараясь не дышать, последовал за ней. Он чувствовал ледяное дыхание морока совсем рядом, но заставлял себя

думать о тепле амулета на груди, о жаре печки в бане, о живом огне. Он почти бегом перескочил последние камни и оказался рядом с Марфой на другом берегу.

Оглянувшись (хоть Марфа и не велела), он увидел, что ручей позади снова журчит и блестит как ни в чём не бывало. И только птицы по-прежнему молчали в этом месте.

— Вот так, — Марфа поправила платок. — Малый урок внимательности. И снова — за счёт твоей силы. Ты распознал морок — и морок чуть ослаб. Но устал ты, верно?

Олег молча кивнул. Устал — не то слово. Ощущение было, будто он не ручей перешёл, а марафон пробежал.

— Ничего, — Марфа тронулась дальше по едва заметной тропе. — Скоро привал сделаем. Но помни этот урок. Не всё то золото, что блестит. И не всё то жизнь, что движется. Слушать надо глубже. Всегда. Особенно здесь.

Они пошли дальше, оставляя позади заколдованный ручей. Олег чувствовал себя абсолютно выжатым, но в то же время... немного гордым. Он смог. Он распознал ловушку, пусть и с подсказкой. Он учился. Медленно, тяжело, с огромными затратами сил — но учился. И Омуты Тихие, где он, возможно, сможет восполнять эту силу и лучше её контролировать, казались теперь ещё более желанной целью.

Лес вокруг снова ожил. Словно перейдя невидимую границу владений морока, они вновь окунулись в привычный мир звуков и запахов. Запели птицы, зашелестел ветер в вершинах, запахло смолой и прогретой солнцем хвоей. Но Олег почти не замечал этого. Усталость навалилась на него свинцовым грузом. Ноги двигались почти автоматически, голова была пустой, и даже амулет на груди, казалось, потускнел и остыл. Он чувствовал себя не просто как севшая батарейка, а как батарейка, которую к тому же уронили, погнули и потом ещё разрядили в ноль.

«И это только начало пути», — безрадостно подумал он. — «Три дня до Омуты. Если каждая ловушка и каждый урок будут стоить мне столько сил, я туда просто не доползу. Может, зря я вообще в это ввязался? Сидел бы в своей бане, колот дрова, чинил бы телеги — тоже польза. Зачем мне эти искры и морёки?»

Но другая часть его, упрямая, та, что выбралась из серой рутины, пусть и таким шокирующим способом, тут же возразила: «Ага, сидел бы. И через месяц взвыл бы от тоски ещё хуже, чем в городе. Нет уж. Раз начал — надо идти. Хоть ползком».

Словно услышав его внутренний спор, Марфа остановилась. Они вышли на небольшую, залитую солнцем поляну. В центре рос могучий, раскидистый дуб, такой старый, что его кора напоминала глубоко изрезанную морщинами кожу великана. Под его кроной зеленела сочная трава, а у корней виднелись плоские камни, словно специально положенные для сидения. Место дышало покоем и силой — спокойной, древней, умиротворяющей.

— Здесь отдохнём, — сказала Марфа, стягивая с плеча свою суму. — Место доброе. Дуб этот многое помнит, силой делится охотно с теми, кто без злого умысла приходит. И солнце тут греет до самых костей. Садись, поешь. Силы надо восстановить.

Олег с облегчением опустился на один из тёплых камней, прислонившись спиной к шершавому стволу дуба. Даже просто сидеть здесь было приятно. Казалось, само место вливает в него толику спокойствия. Он достал из сумы хлеб и вяленое мясо. Еда была простой, но на свежем воздухе, после пережитого и на фоне жуткой усталости, она показалась ему невероятно вкусной. Он ел медленно, тщательно пережёвывая, чувствуя, как к нему понемногу возвращаются силы — пока только физические.

Марфа ела молча, небольшими кусочками, глядя куда-то в глубину леса своими немигающими глазами. Казалось, она не просто ест, а совершает некий ритуал, вбирая в себя не только пищу, но и силу этого места, солнечный свет, дыхание старого дуба.

— Дуб... он тоже живой, как та липа в деревне? — спросил Олег, немного придя в себя. Ему вспомнилось то медленное гудение, которое он почувствовал под ладонью вчера вечером.

— Ещё живее, — кивнула Марфа, не поворачивая головы. — Он корни глубоко пустил, до самой воды подземной достаёт. И кроной небо обнимает. Он — мост между землёй и небом. Слушает и землю, и ветер. И помнит всё. Такие деревья — как капища природные. Рядом с ними и дышится легче, и сила возвращается быстрее, если умеешь принять.

Олег снова прислонился к стволу. Попытался «услышать», но искра внутри едва тлела, сил на концентрацию не было. Он просто сидел, чувствуя тепло камня и коры, слушая шелест листьев над головой. И понемногу расслаблялся.

— Марфа, — решился он спросить, когда они закончили с едой и просто сидели в тишине. — А вы... вы тоже устаёте? Когда... колдуете? Ну, как с тем камнем было, или когда морок отгоняли? Вы выглядите... совершенно спокойной.

Старуха повернула к нему лицо. В её глазах мелькнула тень улыбки.

— Усталость приходит ко всем живым, Олег. И ко мне тоже. Но усталость бывает разная. Бывает — от пустоты, когда отдал больше, чем имел. А бывает — как после доброй работы, когда тело гудит, но душа поёт. Дело не в том, чтобы не уставать, а в том, чтобы знать меру и уметь восполнять силы.

Она обвела рукой поляну.

— Мир полон силы. Она в солнце, в ветре, в воде, в земле, в каждом живом существе. Но она не лежит на дороге, бери — не хочу. Её нужно почувствовать, найти к ней подход, попросить поделиться. И брать ровно столько, сколько нужно, не больше. С уважением. Как воду из колодца берут, благодаря духа места. Я учусь этому всю свою жизнь. И всё ещё учусь.

Её ответ был, как всегда, немного туманным, но Олег уловил главное: это вопрос опыта, баланса и глубокой связи с миром. Той связи, которую ему только предстояло нащупать. Марфа не родилась всемогущей, она прошла долгий путь обучения. Это обнадеживало.

— Значит, и я... смогу научиться? Не только тратить, но и... восполнять? У Омутов?

— Если хватит терпения и усердия — сможешь, — кивнула Марфа. — Омуты помогут почувствовать потоки. Но ходить по ним придётся самому. Никто за тебя этот путь не пройдёт. Ну что, отдохнул? Солнце уже высоко. Пора идти.

Олег поднялся. Ноги всё ещё были тяжёлыми, но уже не свинцовыми. Голова прояснилась, и вернулось упрямое желание идти дальше. Он чувствовал себя немного лучше, согретый солнцем и простой едой, успокоенный силой старого дуба и словами Марфы.

Они собрали свои скудные пожитки и снова вышли на тропу, покидая солнечную поляну. Путь к Омутам Тихим продолжался, и он по-прежнему казался долгим и трудным. Но теперь Олег шёл с чуть большей уверенностью. Он знал, что усталость — это нормально. Что магия — это труд. И что где-то впереди ждёт место, которое может помочь ему найти баланс и научиться не только отдавать, но и брать силу этого удивительного, живого мира.

Они шли дальше. Лес становился гуще, старше. Тропа временами почти терялась под ковром из прошлогодних листьев и мха, и только едва заметные зарубки на стволах или особым образом сложенные камни, которые теперь Олег начал замечать благодаря наставлениям Марфы, указывали путь. Он старался идти ровно, не растрачивая зря и без того скудные физические силы, но больше не пытался активно «слушать» мир искрой — он понял, что сейчас важнее добраться до места отдыха, а не проводить энергозатратные эксперименты.

Он наблюдал за Марфой. Она двигалась легко, почти невесомо, несмотря на возраст и клюку. Казалось, лес сам расступался перед ней, ветки отгибались, а корни не цеплялись за её лапти. Она была едина с этим местом, в то время как он, Олег, ощущал себя инородным телом, которому приходится постоянно приспосабливаться, бороться с усталостью и опасностями. Сколько же лет, сколько зим она ходила этими тропами, прежде чем достичь такой гармонии?

«Она говорила — всю жизнь учиться», — подумал Олег. Значит, это не врождённый дар, а результат долгого труда. Это снова обнадеживало.

Вскоре тропа привела их к глубокому оврагу. Не широкому, но с крутыми, почти отвесными склонами, поросшими скользким мхом и цепким кустарником. На дне оврага бежал ручей, на этот раз выглядевший совершенно обычно – вода была чуть мутноватой, без того мёртвого блеска морока, и её тихое журчание не вызывало тревоги. Проблема была в другом: ветхий мостик из двух брёвен, перекинутый через овраг, был сломан. Одно бревно сгнило и обвалилось, второе опасно треснуло посередине и провисло под собственной тяжестью.

— Пришли, — вздохнула Марфа, останавливаясь у края. — Дорожка худая стала. Видать, давно тут люди не хаживали. Обходить – полдня потеряем, болото там дальше непролазное.

Олег подошёл к краю, оценивая ситуацию. Спуститься и подняться по этим склонам было бы трудно, а для Марфы, пожалуй, и невозможно. Мост был единственным разумным путём. Он посмотрел на уцелевшее, но треснувшее бревно.

— А это... выдержать может? Хотя бы одного? — спросил он.

Марфа покачала головой.

— Хрупкое стало. Как яичная скорлупа. Ступишь – и полетишь вниз вместе с ним. Не пройти тут. Силой бы мост поправить, да... – она неопределённо махнула рукой, давая понять, что сейчас это не вариант.

Олег задумался. Ломать силой – нет. Обойти – долго. Что остаётся? Починить? Он огляделся. Рядом росло несколько крепких молодых деревьев – не толстых, но прямых. Неподалёку валялся ствол упавшей осины, не совсем гнилой.

— Марфа, а если... попробовать укрепить то, что есть? — предложил он. — Вот то упавшее дерево, если отпилить кусок... или срубить вон ту молодую берёзку...

Физик в нём проснулся. Не магия, а механика. Рычаги, опоры, распределение нагрузки. Он вспомнил, как они с учениками строили модели мостов из спагетти и проверяли их на прочность. Принцип тот же.

— Смотрите, — он взял палку и начал чертить на земле. — Если подпереть треснувшее бревно снизу, вот здесь, крепкой жердью, уперев её в склон... И сверху положить ещё одну жердь, как бы связав половинки...

Марфа смотрела на его чертёж, потом на овраг, потом снова на Олега. В её глазах читалось удивление, смешанное с интересом.

— Топорик у тебя найдётся? — спросил Олег. — У меня в суме только нож складной остался, да и тот затупился, пока я... колышки строгал.

— Топор – дело мужское, у меня его нет, — ответила Марфа. — Но... есть вот что.

Она порылась в своей суме и извлекла оттуда... странный инструмент. Это был небольшой, но тяжёлый нож или тесак с широким лезвием, покрытым тусклыми рунами, и рукоятью из тёмного дерева. Он выглядел очень старым.

— Режет хорошо. И дерево, и камень, если попросить умеючи, — сказала она, протягивая тесак Олегу. — Но силы тоже просит, хоть и немного. По делу бери, не балуйся.

Олег осторожно взял тесак. Он был неожиданно тяжёлым и идеально сбалансированным. Лезвие, несмотря на кажущуюся тусклость, было острым как бритва. Он подошёл к упавшей осине. Нашёл место потоньше, примерился. Тесак вошёл в дерево легко, почти без усилий, словно резал масло. Пара точных ударов – и он отделил от ствола подходящий кусок – прочную жердь длиной метра полтора. Это было поразительно легко. Он почти не почувствовал усталости, лишь лёгкое покалывание в руке, державшей тесак. «Силы просит... но немного,» — вспомнил он слова Марфы. Значит, инструмент тоже был не простым, а каким-то... магическим? Или просто невероятно качественным?

Потом он выбрал молодое, но крепкое деревце неподалеку, из тех, что всё равно росли слишком густо и мешали другим. С помощью тесака он так же легко срубил его и обрубил ветки, получив вторую, более длинную жердь.

Дальше началась работа инженера. Спуститься в овраг было скользко, но возможно. Он нашёл устойчивое место на склоне под трещиной в бревне. Аккуратно подвёл под трещину короткую жердь, уперев её нижний конец в склон. Получилась импровизированная подпорка. Она немного сняла напряжение с треснувшего бревна.

Затем он выбрался наверх. Вторую, длинную жердь он решил положить не сверху, а рядом с повреждённым бревном, как вторую опору. Бревно лежало не очень ровно, но опиралось концами на оба края оврага. Олег с помощью Марфы (которая, несмотря на вид, обладала недюжинной силой и ловкостью) приладил вторую жердь параллельно основному бревну, закрепив её концы камнями и прочными лианами, которые нашла Марфа («Лоза-помощница», как она её назвала). Получилась не слишком изящная, но, как надеялся Олег, функциональная конструкция: основную нагрузку должна была взять новая жердь, а старое, треснувшее бревно с подпоркой служило скорее для устойчивости и как настил.

— Ну... должно выдержать, — сказал Олег, вытирая пот со лба. Работа была несложной, но потребовала смекалки и усилий. И главное – он почти не использовал свою «искру», только самую малость – через тесак. Он чувствовал себя усталым физически, но не выжатым внутренне. — Я первый попробую.

Он осторожно ступил на импровизированный мост. Старое бревно под ногой скрипнуло, но подпорка удержала его. Новая жердь чуть прогнулась под его весом, но держала крепко. Медленно, шаг за шагом, балансируя, он перешёл на другую сторону.

— Держится! — крикнул он Марфе.

Марфа, не говоря ни слова, легко и быстро перешла следом. Она двигалась так уверенно, словно шла по широкой дороге.

— Хорошо сработано, пришлый, — сказала она, когда они оба оказались на другой стороне оврага. В её голосе впервые прозвучало что-то похожее на одобрение, не связанное с магией. — Голова у тебя светлая. Не только искрой силен, но и умом. Это тоже дар. Иногда – не меньший.

Олег почувствовал укол гордости. Он сделал что-то полезное, используя свои обычные, человеческие навыки и знания. Это было приятное чувство. Он вернул Марфе тесак.

— Путь открыт, — сказала Марфа, убирая инструмент. — И силы ты почти не потратил. Урок на сегодня: не всегда нужно колдовать, когда можно просто подумать и поработать руками. Идём. До темноты нужно найти место для ночлега.

Они двинулись дальше. Лес становился сумрачнее, близился вечер первого дня их пути. Но Олег чувствовал себя гораздо лучше, чем пару часов назад. Он не только преодолел препятствие, но и понял что-то важное о себе и о балансе между разными видами силы в этом мире.

Глава 6. Под сенью древнего леса

Тени в лесу стремительно густели. Солнце уже скрылось за вершинами деревьев, оставив на небе лишь узкую полосу закатного багрянца, быстро тающую под натиском сумерек. Воздух стал прохладнее, запахи леса — острее. Олег чувствовал, как физическая усталость после починки моста смешивается с глубокой внутренней опустошенностью, оставшейся от утренних магических потуг. Он уже не просто шёл, а скорее плёлся, стараясь не отставать от Марфы, которая, казалось, вовсе не знала усталости.

— Здесь остановимся, — голос Марфы вывел его из полусонного состояния. Она стояла у подножия невысокой скалы, нависающей над землёй небольшим каменным козырьком. У самого края навеса виднелись следы старого кострища — почерневшие камни. Неподалеку слышалось тихое журчание – видимо, ручей, начало которого они видели на дне починенного ими оврага. Место выглядело защищённым и довольно сухим.

— Хорош

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.